

НАСТАВНИКИ ГРУЗИНСКОГО
ПАТРИОТИЗМА.
ИОВАНЭ САБАНИСДЗЕ

Грузинский народ на всем протяжении своей долгой, сложной и исполненной драматизма истории, по милости Божьей, не был лишен героев и наставников, кто делом и словом, примером и осмыслением примера, учил любви к родной стране и народу. Каждый из них отмечен особыми чертами.

Среди этих наставников мы должны будем назвать и Пресвятую Богородицу, хотя бы потому что Она однажды явилась грекоязычному отроку-грузину, впоследствии великому подвижнику

грузинского языка и культуры святому Эптвимэ Святогорцу и призвала *«свободно говорить по-грузински»*. И тем самым вместе с служением Христу и Вселенской Церкви возложила на него обязанность служения и верующему народу Грузии¹.

Из этих наставников одним из первых и величайших представляется Иованэ Сабанисдзе, который в конце VIII в. описал житие и мученичество казненного в Тбилиси арабскими мусульманскими захватчиками юноши-араба Або, уверовавшего в Христа и присоединившегося к исповедающему христианство грузинскому народу.

С тех пор прошло много веков, на тему патриотизма и в Грузии и во всем мире многое было сказано и написано, тем более что в последние века понятие и идея патриотизма были одними из самых актуальных и употребительных, но нам неизвестен другой образец мировой литературы, в котором эта тема понята и представлена столь возвышенно, столь изящно, с такой национальной конкретностью, и, в то же время, общечеловечески.

Внешне не столь уж объемное это сочинение, оказывается необычайно содержательным внутренне. Поэтому мы рассмотрим лишь некоторые тематические линии и те итоги и выводы, которые из них вытекают.

Для Иованэ Сабанисдзе любовь к родине тесно связана с христианской верой, и более лично

¹ *Житие ИЭ*, VIII.

– с Христом. Вместе с тем Христос и вера в Него для Сабанисдзе является не одним из богатств и украшений его родины, пусть и величайшим и значительнейшим, ради которых стоит бороться и даже жертвовать собой. Это для него единственный такой предмет. Во всяком случае, Иованэ Сабанисдзе не называет ничего другого. Он не оплакивает никакое материальное сокровище или культурное достояние (хотя возможно имплицитно подразумевает национальную независимость, поскольку именно за потерей независимости последовало то жестокое религиозное угнетение, которому подвергалась родина Сабанисдзе). Только Христос, союз с Христом его народа, который по его же сведению насчитывал пятьсот лет и более, Сабанисдзе считает достойным заботы или даже упоминания. В общем-то, такое возвышенное настроение не исключает любви к той или иной украшающей особенности или дарованию отчизны или своего народа. Вспомним хотя бы одного из величайших аскетов среди грузинских подвижников – Григола Хандзтели, который при этом с большим восхищением и поэтическим вдохновением помнит красоту природы Тао-Кларджети. В конце концов, ведь и это, как отмечает Григол Хандзтели, дарованная свыше милость, – «Бог сотворил»². Но лично Сабанисдзе настолько пленен любовью к Христу, Его бесконечной красотой и духовным богатством, что забывает обо всем ином.

² *Житие Григола Хандзтели*, XXII.

Как грани драгоценного камня, с восхищением и увлеченно перечисляет он божественные сокровища, сокрытые во Христе, Который является Дверью Царствия, Путем для восходящих на небеса, закланным ради нас Агнцем, дарующим жизнь вечную, и так бесконечно. Притом столь строго понимаемый этим наставником патриотизм не является ни слепым, ни неразборчивым. Он ограничен с двух сторон, вернее, с одной стороны ограничен, а с другой открыт и расширен. С одной стороны, Сабанидзе видит, что, к сожалению, не всякий грузин стоит на уровне этого необыкновенного, божественного национального призвания. Когда мы говорим: «к сожалению», это не просто оборот речи. Сабанидзе и вправду сожалеет, он горько оплакивает тех своих соотечественников, которые в это время под давлением чужеземных и иноверных захватчиков отделились от Христа: *«Мы смешались с народом, чужим по закону, отступившим от Христа, с родом привременного этого любителем,... от которых научились делам их и рабствовали помыслам сердец наших в подражание им, как отчаявшиеся во Христе и забывшие о вечной жизни»*. Он горюет отдельно об одном из своих соплеменников, который из страха смерти дважды отрекся от Христа, и *«овца та Христова подрана была волком»* и отпала *«от стада словесных тех овец»*. В то же время, его патриотическое чувство и сознание открыто для тех, кто примет Христа

и присоединится к уповающим на Него. Такой человек может не только стать частью грузинского народа, но и причислиться к избранным его сыновьям. Если прибегнем к фразеологии Давида Псалмопевца, сделаться не только «*знаемым*», но и «*владыкой*» [Пс 54, 14]. Поэтому вслед за героическим самопожертвованием, Або, сначала по определению грузинского католикоса, затем по обоснованию Сабанисдзе, признается не только сыном народа и Церкви Грузии, но покровителем и ходатаем ко Христу для этого народа и Церкви.

До Або в такое же достоинство был возведен другой чужеземец – Эвстати Мцхетский, мощи которого католикосом и верующим народом были положены в храме Светицховели, в главном грузинском храме и усыпальнице царей. Но то, что в «*Мученичестве Эвстати*» подано, как отдельный факт, в «*Мученичестве Або*» осмыслено и представлено, как своеобразная и имманентная сторона грузинского христианства. Так что Сабанисдзе является и продолжателем и, в то же время, открывателем и проповедником особой традиции грузинского патриотизма.

Грузинский народ, в понимании Сабанисдзе, это народ верующих во Христа или, как понимала это первобытная Церковь, народ святых. И всякий, кто присоединится к нему путем веры во Христа, становится частью этих святых и сам – силою превосходной любви ко Христу и самопожертвования за Него – может стать

национальной святыней.

Сабанисдзе пишет именно о такой личности. Но за этой личностью его пронизательный взор, усиленный молитвой и наставлением католика, видит и другие лица подобных Або известных и, возможно, неизвестных нам, героев грузинского народа и Церкви, видит своеобразие грузинской судьбы. Он находит для Грузии замечательное звание – «*Матерь святых*», и этим ставит знак равенства между своей родиной, своим народом и христианской Церковью, ее поместной частью.

Это, разумеется, не юридическая формула, которой можно пользоваться в земном судилище. Историческое бытие нашего народа подает нам не один пример того, что тот, кто не был грузином по признаку веры, трудился для благоденствия и славы «*Матери святых*», когда другой, формально сын Церкви Грузии, или бездействием, или прямым злодеянием наносил ей урон. Были и такие, кто то жертвовал собой для нее, то вредил ей. Все это подлежит высшему суду и решению Вечного Судьи, согласно той притче, в которой домовладыка запрещает выдергивать плевелы в поле: «*чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то́ и другое до жатвы*» [Мф 13, 24–30]. Или согласно известному высказыванию, что «*патриотизм последнее прибежище негодяя*», в том смысле, что и такой человек может стяжать доброе имя самопожертвованием за родину. Но Иованэ

Сабанисдзе предлагает нам норму, согласно которой истинный грузин это тот, в ком любовь к грузинскому народу и Грузии освещена и согрета высшим, небесным светом и любовью, кто любит Грузию во Христе, в тесном и нераздельном единстве со Христом.

Або Тбилели является прекрасным примером и образцом такой любви. Сабанисдзе не создавал этого героя, как автор придуманной истории создает своих персонажей. Бог даровал Або Грузии как героя, а Сабанисдзе – как первое лицо его произведения. Но гений писателя сказался в том, что в этом, данном от Бога, явлении – превращении араба-мусульманина в грузинского христианского мученика, он разглядел не отдельный акт веры, но событие национального масштаба, и, как великий скульптор, из глыбы полученного житейского факта высек образ, в котором не упустил ни одной важной черты.

Для жителя Багдада, арабского юноши-мусульманина ни Грузия и грузины, ни Христос и христианство не были от рождения данными и воспринятыми понятиями, тем более, предметами любви. Эти два чувства просыпаются в нем одновременно. Правда, любовь к Христу первенствующая среди этих чувств, но она неотделима от связи с грузинами и Грузией. Именно грузины становятся для Або проводниками на пути, ведущем к Христу. В Грузии – Картли, Абхазии – и в окружении грузин происходит формирование Або

сначала, как христианина, а затем как христианского героя и мученика. Но грузины и их страна не выполняют всего лишь служебную функцию. Они обладают, по представлению Сабанисдзе, и собственным достоинством.

Несмотря на то, что, по характеристике самого Сабанисдзе, область Картли и ее население под игом арабов-завоевателей находятся в тяжелом материальном и духовном положении, они все-таки не утрачивают силу и благодать притягательности, так что способны сыграть роль посредника между Христом и тайно, подсознательно ищущим Христа человеком. Или даже своим примером, своей любовью к Христу разбудить в ком-то желание искать и обрести Христа.

Грузия, несмотря на перенесенные и существующие беды, все же остается *«Матерью святых»*, страной, которая подобна земле обетованной, куда Господь, как некогда Авраама, призывает Або, чтобы здесь совершилось его преображение, его превращение в христианина. Здесь идет христианская жизнь и служение, здесь живут знатоки и наставники веры, здесь читают христианские книги и, что самое главное, здесь живет христианский народ, который характеризует *«преизобилующее боголюбие»*, люди, которые *«терпением бед не удаляются от Единородного Сына Божия»*. Подобно тому, как в конце повести сожженные и брошенные в Куру кости Або испускают свет со дна реки, так же и

Картли, поглощенная волной арабской экспансии, все же светится христианским духом, сознанием и жизнью. Носителями этого света, этого излучения были те грузины, с которыми Або встретился и сблизился в Багдаде. И под влиянием которых пожелал отправиться в Грузию, так что навсегда оставил не только родину, но и родителей и родственников.

Сабанисдзе пишет, что в Грузию Або привело небесное призвание. Но это призвание ни в коем случае не могло быть похожим на одержимость, порабащающим стремлением, ибо Бог так не действует. И на небесный призыв несомненно должна была откликнуться душа Або, должно было существовать какое-то притяжение, которое согласовалось бы с этим внушением свыше. И это притяжение исходило от грузинских христиан. Таковую чистую, возвышенную личность, какой предстает перед нами Або, не могло привлечь никакое земное, хотя бы и положительное свойство, – ни благородное происхождение, ни богатство, ни сила, ни отвага или нечто подобное. Тем более, что грузины – эрисмтавари (князь) Нерсэ и его свита – во время первого знакомства с ними Або находились в бедственном положении, как пленники и обвиняемые высшими властями. Або должно было привлечь то, что в грузинах было возвышенного, исходящего от Христа – их вера, их высокая нравственность, их высокодуховный настрой. Из лиц, с которыми Або сошелся в Багдаде,

нам известен только эрисмтавари Нерсэ. Можно предположить, что в его свите были и духовные лица, и другие высокие духом люди. Но достаточно назвать самого эрисмтавари. Из жития Григола Хандзтели, где почти без сомнения мы имеем дело с тем же Нерсэ, видно, насколько благочестивым и любителем благочестивых людей был этот человек и также его супруга. Если примем во внимание, что при его дворе получили воспитание два величайших сына Грузинской Церкви – Або и Григол Хандзтели, то можем назвать его отцом и воспитателем святых. Можно утверждать, что сам эрисмтавари Нерсэ был одним из ярких носителей того таинственного света, который в недрах своих хранила «*Матерь святых*» – Грузия. После прихода в Картли, Або знакомится и с другими христианами. Среди них и с католикосом Самоэлом, который предстает также высокодуховным человеком, первым, кто увидел в подвиге Або великое национально-религиозное явление, и с князем Абхазским, и со многими другими, и наконец, с пронизательным мыслителем, талантливым писателем и тайнозрителем Иованэ Сабанисдзе, которого Або полюбил «*достоблаженной Христовой любовью*».

Все они, несомненно, внесли свою лепту в дело сближения Або с грузинским народом и слияния с ним, так что, когда для Або настал час мужества и самопожертвования, он пролил свою кровь не только за Христа, но и за верующий грузинский народ, который он узнал и полюбил вместе с

Христом.

Этим Сабанидзе показывает, насколько важно, чтобы сын Церкви не только жил в благодати и святости Церкви, но чтобы и сам был сосудом и хранилищем этой благодати и святости. То звание – «*Матерь святых*», которым Сабанидзе именует Грузинскую Церковь, сопровождает весьма важное дополнение и расширение, – «*Матерь святых, некоторых здешних же жителей, а некоторых чуждых и извне пришельцев*». Если народ хранит верность своему христианскому призванию, если в тех испытаниях, которые время от времени постигают его, он, хотя бы и с горькими поражениями и утратами, устоит и не отступит от Христа, не сойдет с пути христианских предков, «*отеческого хождения*», то и Христос не оставит такой народ. Он не только из его же недр воздвигнет новых и новых героев, но и из других народов и стран приведет тех, кто станет его верным и самоотверженным сыном. И своим примером будет способствовать утончению и усилению патриотического чувства грузин.

Согласно учению Сабанидзе, Або – именно такое зримое проявление и пример постоянной заботы Христа о Своем народе. Именно Христос приводит Або в Грузию, где он проникается верой и любовью Христовой, потом в Хазарию, где Або решается принять крещение, потом в Абхазию, свободный и духовно процветающий грузинский край, где Або восходит от силы в силу [Лс 83, 8] и

где на высокой ступени духовного совершенства в нем просыпается желание самопожертвования за Христа, благодаря чему он вновь возвращается в угнетаемую арабами Картли. Но уже как явный, а не тайный христианин, который готов пожертвовать жизнью за Христа, и не только за Христа, но и за исповедающий Христа и мучимый ради Него народ, который Або узнал, полюбил, и частью которого он стал.

